К-43

СЕМЕН КИРСАНОВ

СТИХИ ВОЙНЫ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ 1945

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

6/Дн - 301

Колич. предыд. выдач

Зак. 2348. Тир. 7.000.000.

Тип. изд-ва «Московский большевик».

Р2
К43

Семен Кирсанов

СТИХИ ВОЙНЫ

Из произведений
1941—1945 гг.

Советский писатель
Москва 1945

К—43

ВОЙНА!

Чудовище ада — Гитлер!
Война —
по его вине.
Обрубим поганой гидре
все щупальца
на войне!
Немецкая свора лезет
по нашей
родной стране,—
пусть будет
земля в железе,
пусть будет душа
в броне!
Хочется нефти
немцу,
гитлеровской
дворне?
Обварим
бакинской нефтью,
чтоб почернел
в огне!

Враг тянется
лапой длинной,
видит Москву
во сне?
Взрывай его
русской миной!
Громи его
в вышине!
Удвоим огонь,
утроим!
Удар на удар —
втройне!
Вся Родина —
Красный Воин,
все жизни —
родной стране!

Июнь 1941

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Наши части отошли
к лесу после боя,
дорогую горсть земли
я унес с собою.
Мина грохнулась, завыв,
чернозем вскопала;
горсть земли в огонь и взрыв
около упала.
Я залег за новый вал,
за стволы лесные,
горсть земли поцеловал
в губы земляные.
Положил в платок ее
холщевой, опрятный,
горстке слово дал свое,
что вернусь обратно,
что любую боль стерплю,
что обиду смою,
что ее опять слеплю
с остальной землею.

Под Гомелем. 1941

ДЕТИ

Зияет руинами школа,
семь классов в разрезе стены —
фугаска ее расколола
стальным кулаком сатаны.

Но школьники без опозданья
приходят в разбитое зданье.

Космическим черным железом
забрызган их опытный сад,
но все же тычинки в разрезе
на взорванных стенах висят.

Едва отгудела тревога,
все сели вокруг педагога.

Урок у обломков строенья,
раскрыты тетрадки для слов,
здесь дети постигнут строенье
живых и любимых цветов.

И водит указкой Светлана
по стеблю и чаше тюльпана.

Отцы их бросаются в пламя,
а им, остающимся жить,
не с бомбами, а с цветами
придется в грядущем дружить.

Над ними качается стадо
серебряных аэростатов...

Москва
Июль 1941

ЧЕЛОВЕК

Весною — под Ленинградом —
на передовых рубежах
он мины закладывал в гряды,
где надо б картофель сажать.

Он был до войны — огородник,
деревьев и зелени друг,
с кистями простых, благородных,
с землею сроднившихся рук.

И так он работал и ползал,
ружье и лопатку таща,
и, может быть, думал о пользе
не мин, а грибного дождя.

Но мину он бережно прятал
под землю на шаг от другой,
чтоб стал на нее неприятель
не правой, так левой ногой!

Мешок тяготил его спину,
он почву рукой приминал,
как клубень, закладывал мину
и место запоминал.

Шаги подсчитавши по пальцам,
осматривал поле во мгле,
чтоб сын его не подорвался
на послевоенной земле

Фронт
1942

«ДЕД»

На дорогах Украины
оккупантам жизни нет!
Между гитлеровских клиньев
партизанит «Дед».

Кто он, «Дед»,
во что одет?
Раздражает немцев «Дед».

Он невидим, он неведом.
Где его отряд?
Где пройдет — горячим следом —
танки Гитлера горят...

Телефонная проводка
перерезана кругом...
Это «Дедова» походка,
он — смеется над врагом!

Недоступен немцам «Дед».
Где он есть,
во что одет?

Путь его подобен чуду!
Спрашиваешь — где?
Штаб его у речки Всюду,
у села Везде.

Где тропа и где дорога —
тайный разговор,
там у деда внуков много —
парни на подбор!

Дышит местью бор старинный,
бьется внук и дед,—
вот — советской Украины
Гитлеру ответ!

Сев.-Зап. фронт
Июль 1941

РАТНЫЕ РУКАВИЦЫ

Жены фронту письма шлют,
рукавицы фронту шьют,
рукавицы-варежки —
в холодах товарищи.
Теплый мех, суконный верх,
рукавицы лучше всех,
отдельно — обязательно -
большой и указательный.
Очень важно для стрелка,
чтоб рука была ловка!
Рукавицы ратные,
очень аккуратные.

Ты примерь, боец, подарок,
ты найди письмо без марок.
Прочитай-ка то письмо,
оно теплое само:
«Шила я да мерила,
в твою руку верила,
что винтовку не опустит,

ласт губительный огонь,
что врага в Москву не пустит
молодецкая ладонь!
Надевай на руку,
вспоминай подругу!»

То ли заколдованы,
то ли заговорены,—
а крошат врагов они
на четыре стороны!
Автоматик боевой
в рукавице меховой!
Бьет боец врага сторицей,
расчищает он пути,
чтоб победу в рукавице
мастерице принести!
Чтобы руку правую
ей подать со славою,
посмотреть в ее глаза
да сказать спасибо за
рукавицы ратные,
очень аккуратные.

Москва
Декабрь 1941

В МОСКВЕ

(Из «Поэмы Фронта»)

В ноябрьском небе плавал вой,
ноющий, нудный, надоедный,
в рокоте хриплом отзвук медный
в трех километрах над Москвой.
Ищет Могэс крылатый боров.
В кабине асса — блеск приборов,
в искателе плывут дома,
подернутые синей тучей,
контрастная мигает мгла
при блеске молнии падучей.
Асс ловит землю в объектив,
перчаткой ручку охватив.
Вот заданный к бомбежке сектор.
Дугой блестит Москва-река.
А вверх, как белая рука,
протягивается прожектор.
«Zum Teufel! Двести килограмм!»
Свист и далекий гул разряда.

Плывет к подлунным берегам
Шмутц — летчик первого разряда.
Он рад, что сброшен полный груз,—
к девчонкам заберется завтра,—
убийца живописных Муз
на синем куполе театра.
Теперь — и выплыть нипочем...
Но луч встречается с лучом,
и раздается цокот быстрый,
и по лучу цветные искры
бегут в исчерченную ночь...
Скорей, скорей из света прочь!
Но водят, как жука на нитке,
его — жестокие лучи,
и, хлопая, пекут зенитки
московской кухни калачи.
«А калачи-то горячи!» —
как говорит зенитчик Хромов,
а Хромов зорок и хитер,
он посылает гром за громом
в белесоватый метеор.
Поправка — ниже, выше. Точно!
Взрыв. Дым. Дыра. Багровый хвост.
И на окраине восточной
лежит завоеватель звезд...

Завоеватель, где твой панцырь,
где твой наивный амулет?
У подмосковных дачных станций

лежат не древние германцы,
не Нибелунги, вовсе нет!
Юнцы, шумевшие в Bierhalle,
вам не видать кремлевских стен!
Нет, вы Москвы не запугали
воем летающих сирен!
Наш город был пушкарь старинный,
не мало треснуло мечей
от добрых ядер москвичей!
Не мало пало басурманов,
ландскнехтов, рыцырей и ханов
от грома русских батарей!
Эй, ядра подавай скорей,
обтачивай снаряды снова,
мастер завода номерного,
потомок русских пушкарей!

Над городом встает рассвет
Зенитчики глядят с подмостков.
Враг приближается к Москве.
В эфире носится: «Nach Möskau!
В Москве сегодня снег и дождь,
талое снеговое сало.
У Белорусского вокзала
вбивает рельсы молодежь.
Да так, чтоб ни одной прорехи!
Эскарпы, надолбы и рвы,
стальные чортовы орехи
вокруг Москвы.

То был субботник небывалый:
Москву железом обивали,
мешком, бетоном броневым.
За ним — чредой работ упорных —
воскресник, понедельник, вторник
шли с напряженьем боевым.
Все реже проезжали Зисы
в те дни через Охотный Ряд,
все чаще танки утром сизым
прогрохатывали подряд...

В Кремле. Огромный темный глобус.
Ленин за рамою, в стекле.
Московская, как тело, область,
распластанная на столе.
Цветные укреплений дуги.
Флажки частей. Резервы. Тыл.
Весь фронт, гудящий от натуги
идущих гитлеровских сил...
В высоких окнах — жар заката,
и на стене — напротив них —
географическая карта,
как небо в тучах расписных.
Союз огромный и глубокий:
вот сверху — север белобокий,
внизу — красно-зеленый юг,
направо — как памирский луг,
подставленный ветрам и зною,
восток с пустынной желтизною.

Налево — запад. Это *фронт*,
пробитый копьями прорывов
от хмурых мурманских ворот
до Киркинесского залива.
И три стрелы устремлены
в три важных сектора страны.
Изрыта градусная сетка,
вонзились армии в тылы,
в три наших сердца — три стрелы
по планам Гофмана и Секта...
Над городом ночной покров,
тьма все черней, свет непривычней,
скрещения прожекторов.
Ночь над Москвою фантастичней
уэльсовской «Борьбы Миров»...

Врагу не терпится. Сторицей
он думает пожать плоды
за страшные свои труды
в еще таинственной столице.
В бинокли смотрят свысока,
подвозят танки для нажима.
Но, как гигантская пружина,
отталкивает их Москва.
Напрасно ждете! Клещи прочь!
О, комната в Кремле! За этой
широкой картой день и ночь
трудится Сталин над победой.
Он тут — все армии ведя,

для нас, для сыновей, для внуков,—
и напряженно смотрит Жуков
на карандаш в руке вождя.
О, сорок первый грозный год!
На подписи приказ к походу —
чтоб слово русское «Вперед!»
вернуть советскому народу.

Взошло седьмое ноября
над осажденною Москвою.
Скользит туманной мостовою
сырая поздняя заря.
Войска построились в квадраты,
недвижны серые отряды,
слепая утренняя мгла
на башню Спасскую легла.
Часов кремлевских звон знакомый,
на мавзолей взошли наркомы.
Величественно ждет Москва.
Вдруг вздрогнул город. Словно струны —
войска. По ним прошелся гул...

На мрамор ленинской трибуны
поднялся Сталин. Он взглянул
на каждого. Он всех заметил
в отдельности. На каждый взгляд
бойцов, построившихся в ряд,
глазами вещими ответил.
Заговорил. И по тому,

как начал речь, как руку поднял,
герой поэмы этой понял:
вождь обращается к нему.
К нему — к простому человеку.
К солдату партии. К нему,
к коммунистическому веку
и к человечеству всему.
К бойцам, к любому гражданину,
к Стране и все-таки — *к нему*,
к политруку, и дальше — к сыну,
к жене, в немецкую тюрьму...
В словах, спокойных и свободных,
обрел он истину, что он
сын Сталина. Что он на подвиг
бессмертным словом осенен.

Вперед! — приказано в Кремле
России — гордой великанше.
Гудеть приказано зиме
пургой, неслыханною раньше
на русской, снеговой земле!
Вперед! — ударило набатом,
и вновь услышала Москва
победоносные слова!
Вперед! — стопушечным раскатом —
поднять уральские полки,
расставить хитрые силки,
штыком вогнать германца в холод!
За нашу жизнь! За Серп и Молот!

Понесся орудийный вал
вулканами — за Подмосковье,
и первый снег смешался с кровью.
Лес в инее, во всей красе!
В лесах — жестокая охота,
дрожат на Дмитровском шоссе
чудища Гюпнера и Гоота,
дрожат в сугробинах до пят,
над ними мутный снегопад,
и над дымящеюся рощей
мчит штурмовой бомбардировщик.
Сюда, товарищи, сюда,
к началу громовых событий!
Начни день грозного суда,
советский летчик — истребитель!

Гул батарей, харканье мин...
Снега багрового оттенка...
Сжимают люди Лелюшенко
зияющий, горящий Клин.
Как изменен пейзаж московский!
Как строго выглядят сады!
Громя немецкие ряды,
в обход стремится Рокоссовский!
И невдомек еще врагу,
что гонит их, что валит наземь.
И с удивленно-мертвым глазом
разлегся немец на снегу...

. . . . . .

...Подернут зимним багрецом
край золотого горизонта.
Постройтесь к Западу лицом,
бойцы Калининского фронта!
Гудит артиллерийский вал,
настал счастливый день прорыва!..
Для вас я этот стих ковал
бессонно и нетерпелив..
Нет, не в спокойном уголке
листки поэмы просыхали,—
дымки зенитные вспухали
над ней вверху, невдалеке.
С ее заглавною строкой
меня впервые познакомил
разрушенный, горящий Гомель,
вой бомбы над Москвой-рекой.
Она в дороге вырастала,
ее грузовики трясли
и к стенам Клина принесли
теплушки воинских составов.
Она передо мною, тут!
И пусть она приносит счастье
бойцам, что к Западу идут!
Пусть в наступающие части
протянется ее маршрут!
Вы далеко? Она догонит,
примчит дыхание свое
и ляжет в жаркие ладони
бойца — читателя ее.
И труд оплатит мне сторицей

неторопливый голос твой,
боец, склоненный над страницей
моей поэмы фронтовой.

Москва, фронт
1941

ЗНАМЯ ЛЕНИНА

Грозный гул стоит над головой,
блёстки боя
реют над лесами,
политрук в землянке снеговой
говорит о Ленине
с бойцами.

И бойцы в рядах передовых
подымаются
на подвиг новый,
не смолкая,
вдохновляет их
огневое ленинское слово.

О советской
думая
земле,
дня победы
приближая сроки —
в час ночной
в недремлющем Кремле

Сталин
смотрит
в ленинские строки.
И бессмертна клятва:
победить!
Презирая смерть —
шагать к победе!
Истребить врага!
Освободить
земли наши —
Ленина наследье!
Враг в сугробах снеговых завяз!
Наступайте
грозными рядами.
В дыме боя
осеняет вас
солнечное
ленинское
знамя!

Калининский фронт
Январь 1942

БЕЙ С НЕБА!

Взрывы гремят у излучин
Дона — казацкой реки.
Немец железом ползучим
лезет на наши штыки.

На заповедных равнинах
злая пирует гульба —
сыпью колонн муравьиных
немцы покрыли хлеба.

Золото нашего хлеба
топчут и грабят они,—
бей же грабителя с неба,
с поля и с неба гони!

В грозный полет! За Россию!
За золотые стога!
Гневная пуля, трассируй
в подлую спину врага!

Курс разворачивай с солнца,
яростью ход торопи,
вбей пруссака и саксонца
в складки кубанской степи!

Чуют возмездие гады,
слышит фашистская мразь
в голосе красной армады
летчика-мстителя глас.

Летчик — геройское имя!
Витязи есть на Руси!
Кровью, делами своими
Русское счастье спаси!

В небо, летающий витязь!
Слава горит в синеве!
Вырвать победу клянитесь
Волге, России, Москве!

1942

ОСТАНОВИ!

Немецкий танк,
немецкая каска
Торчат у Новочеркасска.
Берлинский шулер,
мюнхенский вор
встали на наш
пшеничный ковер.
Буйствует немец
в хате селянской
у станицы Цымлянской.
Руки бандита
в казацкой крови,
Дальше ни шагу —
останови!
Останови! Не дай
немцу
казачий край!
К орудию, друг,
к винтовке, подруга!

Отбросим врага
от советского Юга!
Чтоб дальше
сволочь не перла —
штык
в немецкое горло!
Немец
хорош,
когда он мертв!
Зеленый мундир
дырявь,
пулемет!
Вору хочется
винограда!
Комсомолец,
гранату в гада!
Останови,
не дай
кровавить
казачий край!
К орудию, друг,
к винтовке, подруга!
Отбросим врага
от советского Юга!
1942

НЕ ОТСТУПАТЬ!

Победу
не приносят
на серебряном блюде.
Нас сомнут,
если мы не сомнем!
Добудем победу,
советские люди,
кровью,
железом,
жизнью,
огнем!
История
даром победу не дарит!
Кто побеждал,
огня сторонясь?
Мы не ударим —
нас ударят,
мы не наступим —
наступят на нас.
Наши жены
обливались пóтом,

вспахивали,
сеяли,
и что ж —
для того ль,
чтоб рылом пулемета
немец врылся
в золотую рожь?
В трудный год
мы урожай растили,
сна не знали,
не жалели сил —
для того ль,
чтоб по спине России
гитлеровский танк проколесил?
Надо твердо знать, какая участь
ждет Россию
в воровских руках
Не прогоним —
будут немцы
мучать
наших жен
в берлинских кабаках.
Клеймами, как стадо, переметят,
рабский труд —
часов по двадцати
Не прогоним —
будут наши дети
каторгу кровавую
нести.

Горше смерти
плен
красноармейцам!

Жги до тла коричневую дрянь!
Окружили?
Не сдавайся —
бейся,

уходи в леса
и партизань!

Кровью и пожаром обагренный,
Дон зовет
собратьев по свинцу,—

грозным штурмом,
стойкой обороной

помогай,
калининец,
донцу!

Летчики,
громите
с поднебесья,

в лоб врага,
наводчик,
попади!

Хочешь жить?
До самой смерти
бейся,

задержи врага
и победи!

Калининский фронт 1942

ВПЕРЕД!

Подымайся, боевая сила!
Глубже клин атаки штурмовой!
Чтоб на запад немца относило!
Чтоб его под ноги подкосило!
Чтобы врылся в землю головой!

Враг хотел спокойненькой зимовки —
печь топить да жрать наш каравай, —
так гони его без остановки,
душу всю вложи в затвор винтовки,
все его заслоны прорывай!

Не давай врагу ни сна, ни жизни,
помни — смелость города берет,
пулеметной очередью брызни,
воплоти в победный час отчизны
слово чудотворное: «Вперед!»

Громче, громче, наша канонада!
Кто другой, товарищ, как не ты,

вызволит страдающих из ада,
из когтей чудовищного гада,
пыток, издевательств, нищеты?

Наша сила — в битвах вырастала,
с нами Сталин и отчизна мать!
Всею силой сердца и металла —
наступать во что бы то ни стало,
наступать и снова — наступать!

Январь 1943

ОРЕЛ!

Слава орлам,
взявшим Орел!
Новая жизнь с боем берется.
Русский солдат
с честью обрел
славу свою — имя орловца!
Белая соль
потных рубах,
сонная боль глаз воспаленных,
пепел войны,
пыль на губах,
щебень домов испепеленных.
Но под Орлом
сон не берет,
и на заре, в зареве ночи,
всех обошло
слово «Вперед»,
всем освежив пыльные очи.
В ямах и рвах
страдных дорог

видит боец раны Ро́ссии,
всё, что в бою
он превозмог,
силой души боль пересилив.
Подан ему
сельский кувшин,
пьет на ходу, потный и гордый.
Вновь позади
трупы машин,
рывших в траву плоские морды.
В запахе трав,
гари и смол
слава — бойца в битве застала.
А за бойцом
мчалось письмо
через леса птицей с Урала.
С летних ветвей
сбита листва,
новый рубеж дымом окутан,
а за бойцом
встала Москва
славить его в полночь салюта.
Вновь он готов
всё превозмочь,
дальше зовет ширь полевая,
а над бойцом
светится ночь,
множеством звезд благословляя.

ПЕСНЯ ЛЮДЕЙ НА ЗЕМЛЕ

Смелый летчик жил на свете,
песен нет о нем пока.
Им гордился быстрый ветер,
любовались облака.
И садились дождевые
часто капли на крыло,
и смотрели, как живые,
в очи синие его.
Он любил одну на свете
между девушек земли,
он любил в закатном свете
кучевые корабли.
Пулемет его послушный
гневно думал о враге,
самолет его воздушный
с ним на равной был ноге.

За воздушным поединком
наблюдали толпы туч:
он повис на паутинке,
он соскальзывал на луч.

И в последнюю минуту
он с дороги не свернул,
белый парус парашюта
над собой не развернул.

Смелый летчик несся к бою
и с присягою бойца
смертью пал, своей судьбою
управляя до конца.
Управляя, направляя,
выпрямляя свой полет —
он, собой повелевая,
говорил себе: — Вперед!

Он пожертвовал отчизне
только жизнью — оттого,
что на свете выше жизни
не ценил он ничего!
И когда с высокой тучи
вниз пожаром он летел,
жизнь была желаньем лучшим
из всего, что он хотел!

Над широким полем хлеба
собирается гроза,
смотрит девушка на небо —
затуманены глаза.
Там — неслыханное слово,
неувиденный полет,
только с неба грозового
вот-вот капля упадет...

ВРАГИ

1. Окруженные

Когда сомкнулись клещи наши
у Волги — обручем двойным,
немецкий лагерь, мертв и страшен,
остался островом войны.

На этой льдине окаянной
столпились полчища врагов
посередине океана
кубанских и донских снегов.

Еще фельдфебели на льдине
за выправкой людей следят,
еще согласно дисциплине
спешит к орудию солдат.

Но океан идет все шире,
а остров дальше от земли,
и самые седые в мире
их волны смерти замели.

Безвыходно и безотъездно
подмоги ждет полускелет,

рукою зябнущей, железный
еще сжимая пистолет.

Еще солдат свершает точно
свой поворот на каблуках,
еще стучит морзянкой срочной
тяжелый «Юнкерс» в облаках,

но позывные глуше, реже,
замерзшими заполнен ров,
и каптенармусы не режут
хлебов у розовых костров.

И знает сумрачная птица,
кружась над мертвыми вдали,
что остров должен опуститься
на дно завьюженной земли.

2. *Мертвые*

Стоят кресты после сражения
простыми знаками сложения.

Потом кресты берут на плечи,
потом крестами топят печи,

согрев себя, солдаты сами
потом становятся крестами.

А за степями необъятными
выходят вдовы на мосты,

и с распростертыми объятьями
готовы встретить их кресты.

СЫН И ОТЕЦ

За окопами трясина,
враг перед лицом.
Воевал отец у сына
рядовым бойцом.

Отвечал он: «Слушаюсь!»
сыну на приказ,
изгородь колючую
разрезал не раз.

Было это в Армии,
в нашей Красной Армии.

Говорит отец о сыне,
думает о нем:
«Начал сын в солдатском чине,
вырос под огнем.

Парень замечательный,
боевой талант,

самый наступательный
старший лейтенант».

Было это в Армии,
в нашей Красной Армии

Две ракеты над болотом
понеслись в полет,
сын повел в атаку роту,
закричал: «Вперед!»

Разговор с припевом
пули повели,
оторвался первым
батька от земли.

Эх, во славу Армии,
нашей Красной Армии!..

Мину с хлопаньем гусиным
чувствует солдат,
а глаза его за сыном
и в бою следят.

Как завыла мина,
охнул рядовой,
по-отцовски — сына
заслонил собой.

Так бывает в Армии,
в нашей Красной Армии.

По войскам идет, бушует
слава о бойце,
сын отер слезу большую
на своем лице.

Говорят на марше —
то был не отец,
а годами старший
рядовой боец.

Служим, братцы, в Армии,
в нашей Красной Армии...

Прибалтийский фронт
1943

БОЕЦ

Жил да был боец один
в чине рядового,
нешутлив и нелюдим,
роста небольшого.

Очи серой синевы,
аккуратный, дельный.
А с бойцами был на вы,
ночевал отдельно.

Автомат тяжелый нес,
и шинель, и скатку,
светлый крендель желтых кос
убирал под каску.

А бойцы вослед глядят
и гадают в грусти:
скоро ль девушка-солдат
волосы распустит?

Но ни скатки, ни гранат
за нее не носят,
и, пока идет война,
ни о чем не просят.

И в тени ее ресниц
будто ожиданье,
что у западных границ
с женихом свиданье...

А бывает — вскинет бровь,
всех людей взволнует,
но ни слова про любовь,—
здесь Любовь воюет!

Прибалтийский фронт
1943

ГВАРДИЯ

Преклоняет гвардеец колени,
и на знамени гвардии — Ленин!

Отсвет пурпура лег на шинели,
на стальные стволы, на ушанки.
Встали смирно морозные ели,
глухо дышат моторами танки.

Под пыланьем багряного стяга
величаво творится присяга.

Снег украсил январскую чащу
серебром на торжественных сводах,
у Матросова в сердце стучащем
родился его будущий подвиг.

И звучит непреклонно-сурово
боевое гвардейское слово.

В этом слове бессмертная правда,
подтвержденная пушечным громом,—

так звучала и Сталина клятва
в январе перед ленинским гробом.

И клянутся с гвардейцами вместе
громовые орудия мести.

Прижимает гвардеец с любовью
красный край, бахрому золотую,
обещает — железом и кровью
отстоять нашу землю святую!

И выходят на снежные степи
в наступленье гвардейские цепи.

Снег от крови пролившейся розов,
пулеметчик забылся на ленте,
и ползет к амбразуре Матросов
умереть и воскреснуть в легенде.

Он упал, а товарищи встали!
Впереди наступающих — Сталин!

Фронт
1943

ДОБРЕ!

Он стоит на подножии каменном,
Украины Кобзарь перед Каневом.
Он задумался думой высокой,
сыновей ожидая с востока.
Хлопцы помнят слова Заповіта,
клятву дали Тарасу не зря:
«Будет вся у германца отбита
дорогая земля Кобзаря».

Его брови сурово нависли,
свет пожара на темном лице.
Видит — десять немецких дивизий
в беспощадном советском кольце.
И глухого отчаянья выкрик
возникает над теми местами,
где зажата дивизия «Викинг»,
где трещит она всеми костями!

Как ни бились враги — не сообразились,
не владеть им землею чужою,

и поля и сады окропились
почернелою кровью вражо́ю!
Так вещало о будущем долге
Кобзаря вековое перо!
Так по опыту матушки Волги
показал себя батько Днепро!

Пусть почувствует оберст и обер
наш карающий штык между ребер!
Не горюй, украинская маты,
мы отстроим сгоревшие хаты!
Немцы — сгинут они, аки обры!
В них вонзаются наши клинки!
Сам Кобзарь улыбается: «Добре,
щиро дя́кую, добре, сынки!»

1944

ПОПУТНАЯ ПЕСНЯ

Песня эта самая
завтра устареет,
потому, как армия
движется скорее.

И в котле у повара
каша поспевает,
а вот песня новая
к ней не поспевает.

Только б выйти на поле,
на простор хороший,
а уже от Чаплино
близко Запорожье.

Танками наезжены
балочки кривые,
а уже от Нежина
недалече Киев.

А от Мелитополя —
день до Перекопа,
и дыме за окопами
город Севастополь.

Добре, Лелюшенко,
добре, Кириченко!
Гей, до перешейка —
стало горяченько!

Знамя развевается
на изрытом поле,
сердце разрывается
от народной боли!

За цветок-подсолнечник
у гуцульской хаты —
бей, снаряд осколочный,
гряньте, автоматы!

Отступай, Неметчина,
от огня орудий!
Как в Москве намечено —
так оно и будет!

Накипела ненависть,
руки расходились,
сильно мы разгневались,
крепко рассердились!

Песня эта самая
начата у Сала,
а родная Армия
за Дунаем встала!

И в котле у повара
каша поспевает,
а вот песня новая
к ней не поспевает!

1943

ЕСТЬ ДОРОГА

Не на год окопы рыты
у сожженного села,
не на век бойцами виты
загражденья в три кола.
И землянка на болоте —
никакое не жилье,
а снаряды лишь в полете
дело делают свое.
И пора — в большой охоте
пулям стаями свистеть,
и пора — вставать пехоте,
а землянкам опустеть.

Когда Родина зовет —
из окопов всё встает,
подымается по знаку —
всё в атаку, все в атаку,
нет привала, нет стоянки
у бойцов передовых,
перематывать портянки
нету времени у них!

Мост ложится через Друть,
в дно вбиваются опоры,
говорят бойцам саперы:
«Есть дорога, в добрый путь!»

По траншеям, по воронкам
всё торопится вперед,
только женщина с ребенком
на восток одна бредет.
«Ты куда спешишь, мамаша?»
«Я из лагеря бегу.
Вон сгоревши вёска наша,
три избенки на лугу...»
«Как ты выжила, мамаша,
как мальчонка донесла?»
«В самый раз победа ваша
нас от Гитлера спасла.
Уж мы ждали вас, как бога!»
«Есть дорога? — «Есть дорога!»

Есть дорога! Вражьи трупы —
переехать, перейти!
И сапер поводит щупом,
будто удит на пути.
Дым у танка из отдушины,
стаи гончие катюшины,
фары ночью не потушены!
Несмолкающая ширь!
Гром орудий — поводырь!

Наша кровь не застоялась,
наш огонь поверх голов,
наша ненависть и ярость
вылетает из стволов.

Немцу худо, будет горше,
взяли Витебск, будем в Орше,
будем в Минске и за Минском,
там, где Вислы берега...
Мы прикладом исполинским
вдарим в логово врага!
Пусть шумит пора расправы,
и солдатский орден Славы
пусть колотится о грудь.
Торопи, боец, соседа!
Видишь Запад — там победа,
там дорога! В добрый путь!

Фронт
1944

ДВА ДУБА

Два дерева стоят вблизи Березины,
два дуба двести лет ветвями сплетены.

Под их листвой пылит дорога полевая,
скрипит крестьянский воз, их сеном задевая.

Сопутствуя волам, под шумною листвой
пастух выводит тут мотив наивный свой.

Вот промелькнул возок времен Екатерины,
в Москву сестер-невест вывозят на смотрины.

Вот с Альпами в глазах проходят в листопад
усатые полки суворовских солдат.

Дубовый павший лист засушен и заржавлен,
над ним с пером в руке задумался Державин.

О, зарево Москвы в двенадцатом году!
Два гренадера здесь шатаются в бреду.

кутались они в дырявые знамена,
мерзнут на шелку орлы Наполеона

к строгие столбы карающей судьбы,
провожают вдаль безлистые дубы.

т коробейник шел и проносил офеня
той сонник, свой букварь, свой календарь для чтенья

х седых стволов по белизне зимы
льщик проезжал, бежавший из тюрьмы.

Тут сходку майскую увидели впервые
флаги Октября деревья вековые.

реже люди шли к их вековой красе,—
жнее пролегло широкое шоссе.

дые столяры о тех дубах забыли,
альные топоры двух братьев не срубили,

забытому пути из ближнего села
ишь узкая тропа болотами вела.

Тут ранней весной, когда луга клубились,
льянский паренек и девушка любились.

первые ростки проснувшихся дубов
агословляли их апрельскую любовь.

Но лето летовать не довелось любимым —
за лесом встал пожар, и потянуло дымом,

и орудийный гром потряс дубовый ствол,
и танк с кривым крестом под ветками прошел

Проселком тяжких мук дорога эта стала,
к немецким лагерям плелась толпа устало.

Узлами корневищ стонала глубь земли,
и мучеников к тем деревьям подвели.

С беспомощных ветвей свисала молча зелень,
у дуба правого любимый был расстрелян,

у дуба левого замучена она.
На вековом стволе кора обожжена.

Сквозь тело в плоть дубов слепые впились пули
и сердцевины их до сока резанули.

Слова, слетевшие с девичьих скорбных губ,
листвою повторил зеленогорбый дуб.

И снова влажный луг порос болотной травкой,
проселок двух дубов стал партизанской явкой,

и раздавался здесь ночами тайный свист,
и пропуском друзьям служил дубовый лист.

и к шопоту друзей прислушивались ветви,
и были на коре условные заметки,

и партизанский нож однажды поутру
любимых имена нарезал на кору.

и глубоко в земле могучий вился корень,—
так дух простых людей живуч и непокорен!

Когда за сотни верст сраженья отнеслись —
тут люди Родине и Сталину клялись.

В осенние дожди и в зимние морозы
с лесом под откос валились паровозы,

и с каской набекрень валялся враг в снегу,
дубовый лист на грудь приколот был врагу.

Не тот дубовый лист, что в Тевтобурской чаще
на Германа слетел, на шлем его блестящий,

не орденский листок Железного Креста,
а месть врагу — ножом — сквозь золото листа!

Однажды на заре вновь запылал поселок,
и в ветви залетел и срезал их осколок.

Взвыло, понеслось над рвущейся листвой,
и рядом третий дуб поднялся — дымовой.

Железная гроза дубам ломала руки,
но не напрасно им пришлось отведать муки,

вот немец выбежал и спрятался за ствол,
но мстительный свинец и там врага нашел!

И на седую пыль проселочной дороги
ступил отряд бойцов, запыленных и строгих,

с медалями в пыльце, с ресницами в пыли,
с сияньем на лице — они на запад шли.

И два седых ствола с листвой старинной меди
вдруг выросли в пыли воротами к победе.

Могучая листва, как триумфальный свод,
с незримой надписью: «Сорок четвертый год».

И вздыбила листва коней медно-зеленых,
героев имена горят на двух колоннах,

И девушка с венком, и юноша с венком
указывают путь сверкающим клинком —

на Запад!.. И прошли отряды боевые,
и осенили их деревья вековые,—

простые, милые, заветные дубы,
под ними — только дождь — покалутся грибы.

Тут путник обретет спокойствие ночлега,
и снова проскрипит колхозная телега,

на ветках отдохнет весенний перелет,
любимую свою любимый обоймет

рукой застенчивой с широколистой веткой
под созданной для них природною беседкой.

Поэт подымет лист в ноябрьский листопад,
и дрожь звенящих строк пронзит его до пят,

и песня долетит, и отголоски смеха,
и шепоток листвы смешает с песней эхо,

и голоса людей, и ржание коней
на той родной земле — где не взорвать корней,

где не свалить стволов великого народа,
где дышит, как листва, могучая свобода!

1944

ВЧЕРА В МОСКВЕ

Вчера в Москве была гроза,
слепила молния глаза,
и гром раскатывался в небе,
высокой тучи темный гребень,
набухший, выпуклый, резной,
вдруг озарялся белизной.

Кремль — под минутным ливнем лета —
вставал на миг в одежде света,
и в тот же миг в ночной Москве,
блеснувши в стеклах и листве,
другие вспышки озарили
красно-зеленые дома,
другие гордые грома
по всей Москве заговорили.

Они гремели, повторив
артиллерийские раскаты,
гром наступления, прорыв,
грозу возмездья и расплаты.

О, это славный был салют
Москвы и пушек небосвода,-
казалось, вместе славу шлют
народ и русская природа.

Свет загорался, но не мерк,—
дождавшись нового сигнала,
к ракетам, вылетавшим вверх,
природа присоединяла
и свой слепящий фейерверк!
На каждый залп давался гром,
и дважды сотрясался дом,
и дважды озарялись лица,
когда давала залп столица,
рассыпав блеск во все концы,
и небо вплоть до стратосферы
вас поздравляло, офицеры,
вас, Красной Армии бойцы!

Москва
Июль 1944

ИМЯ

В любом огне, в любой беде
кто был с тобой — всегда, везде?
В степных снегах, в воде траншей
ты слышал голос, помнишь — чей?
Кто сердце ободрил твое,
напутствовал и научил?
Кто бронебойное ружье
на рубеже тебе вручил?
Кто силу дал тебе в бою,
в огне дымящихся развалин
стоять за Родину свою?
— Сталин!

А в праздничные дни побед,
в фонтанах рвущихся ракет,
кто поддержал твою мечту
опять притти на землю ту,
где ты родился, рос и жил?
Кто жизнь твою вооружил?
Кто лучше всех тебе помог
дорогу выбрать из дорог?

Чью силу поняли враги?
Кто дал бойцам броню из стали
и семимильные шаги?
— Сталин!

О наших битвах, о войне,
о днях в огне, ночах в дыму
расскажет мать наедине
с волненьем сыну своему.
О том, кому обязан сын,
что он — свободный гражданин,
что звезды есть, что солнце есть,
что есть стихи, свобода, честь!
И сын о днях войны прочтет
в тиши сияющих читален
и с гордостью произнесет:
— Сталин!

ХАРЬКОВ

Как бойцы въезжают в Харьков
на широкий шлях —
лучше кладов и подарков
встречи на путях!

«А не муж ли едет это
долгожданный мой,
наконец-то, в третье лето,
да к себе домой?

Только дом разрушен немцем,
в городе беда...
Угостить родного нечем —
жмыхи да вода...

Ты ли, мой, в железной башне
или снишься мне,
на гулянье бесшабашный,
строгий на войне?

Обошла я стороною
танк его стальной,
и не видно за бронею —
муж ли это мой...»

А уже вокруг хлопочет
исхудалый люд,
и по радио грохочет
сталинский салют.

От заставы до заставы
и у всех ворот
все венки — цветами славы —
Украина вьет.

1943

КУБАНЬ

Занялась казачка делом —
белит хату чистым мелом.

Вроде в доме новоселье,—
разукрашенный плетень,—
али праздник-воскресенье
приключился в будний день?

А хозя́йка все сначала
мажет кистью из мочала,
усмехаются уста.
Белой кистью стены мажет
и, не глядя, гостю кажет:
«Вся Кубань теперь чиста.
Значит, надо, чтоб была
хата к празднику бела.

Може, тут бойцы проедут
по заулочкам родным,
за великую победу
я навстречу выйду к ним.

Так что я бойцов поздравлю,
хату чисто побелю,
все, что есть, на стол поставлю,
чисту скатерть расстелю.
Груши, яблоки на блюде,
чтоб бойцам поесть чего,
и подам воды в посуде,
самой лучшей, ключевой».

И, действительно, в тумане
возвращаются с Тамани
боевые земляки.
Гимнастерки их поблекли,
сапоги у них намокли,
море Черное во фляжках,
и болтаются на шашках
дедовские темляки.

И заря заполыхала
на знаменах войсковых.
«Чай, хозяйка, ты слыхала
о салюте из Москвы?
Чай, уже читала речи
про кубанские дела —
что твоя еще до встречи
хата набело бела?!»

«Я, бойцы, до зори встала
в хате радио нема,

И газет не прочитала.
Сердцем поняла сама.
А молва летит по свету,
залетает и сюда,
что поганых немцев нету
на Кубани — навсегда!

Заходите, угощаю,—
може, яблок? може, чаю?»

«Нам, хозяйка, недосуг!
Мы в строю, хозяйка, конном.
А тебе прислал супруг
боевой привет с поклоном.
Он велел сказать родным,
милым детушкам с женою,
что дорогою кружною
скоро он вернется к ним.
Возвращение — к победе,
путь дорогой боевой,
он еще в Берлин заедет
на пути к себе домой».

1943

ОДЕССА

Одесса! К булыжнику улиц
подошвы бойцов прикоснулись.

И солнечный луч по отвесу
спустился к вокзальной стене.
Победа въезжает в Одессу
в суровой и пыльной броне.

Отряды шагают и едут
по Пушкинской и Ришельевской,
ветвями встречает победу
акация в платье апрельском,
и дом, где любая из комнат
о Пушкине знает и помнит,
и дюк на Приморском бульваре,
и море в венке облаков
с вернувшимся словом «Товарищ!»
встречает бойцов-земляков.

Бежала девчонка босая,
цветы им под ноги бросая

и женщина в серых заплатах,
рванувшись навстречу, бегом,—
в одном из них встретила брата
и мужа узнала в другом.

И вспышки ракет прилетают
к Одессе в апрельскую ночь,
и к сердцу Москва прижимает
свою благодарную дочь.

1944

СЕВАСТОПОЛЬ

Мы сегодня
вошли в Севастополь.
За холмом орудийный раскат,
воздух города пылен и тепел,
круговая дорога
под скат.
Мы съезжаем
по жарким и тесным
переулкам приморской земли,
ждут пути
над обрывом отвесным
полковые обозы в пыли.
Лом войны
завалил мостовые,
пыль лежит,
как столетняя быль,
и спокойно везут ездовые
на усах эту вечную пыль.

Мертвый немец на пыльной дороге
вплющен в землю

и копыта,
колеса
и ноги
равнодушно по немцу прошли.

Мы врагов под ногами не видим.
Это стоптанный прах
мостовых.
Видим стены
и вновь ненавидим
ненавистников наших живых.
На ползущих железных махинах
на броне
надпись мелом:
«Вперед!»,
и смеющийся юный Нахимов
в бескозырке моряцкой
идет.
Оживай,
воскресай,
Севастополь!
Скоро смоются плена следы,
станет Ленин
на бронзовый цоколь,
зацветут золотые сады!
Мы пришли
не с пустыми руками
на хрустящие заветных высот,
белый мрамор
и розовый камень

вся Россия сюда принесет.
Стаи чаек спешат над горами
к Севастополю
с разных сторон,
здесь подымутся две Панорамы
героических
двух Оборон!
Стаи флагов цветут над линкором,
в землю втоптан
немецкий мундир...
Мы сумеем,
как домик над морем,
навсегда разминировать мир!

Севастополь
10 мая 1944 г.

НАСТУПЛЕНИЕ

Фронтовые дороги клубятся,
обнимает казачка кубанца,
провожает глазами дорогу
от Амвросиевки к Таганрогу.
Приазовские степи клубятся,
провожает солдата крестьянка,
и от угольной пыли Донбасса
потемнело орудие танка.

Наступление наше, кипи
в золотой приазовской степи,
наступление наше, расти
на широком смоленском пути!

Наступает боец, наступает,
на врага сапогом наступает,
там, где полночь чернела слепая,
долгожданный рассвет наступает,
вызволяет людей из неволи,
и несет утоленье от боли,
и приносит страдальцам свободу,
как живую, целебную воду!

Наступление наше, бурли
на полях украинской земли,
наступление наше, гуди
в благородной солдатской груди!
Эхо битвы у Ельни и Рыльска
слышит Гомель и мученик Киев.
Люди шепчут: «Спасители близко,
о, скорей, о, скорей, дорогие!»
Близким гулом живет ожиданье
в Мариуполе и Полтаве,
и подпольщики слушают втайне
речь Москвы о победе и славе.
Наступление наше, греми,
как ключи перед всеми дверьми,
наступление наше, разбей
злые звенья немецких цепей!
Наступление — ты потепленье,
исцеление родины пленной,
наступление — испепеленье
всех убийц за их преступленья!
И бойцы — что за каждую стену
платят крови великую цену —
пусть сольют с именами своими
городов отвоеванных имя!
Наступление наше, смети
все немецкие мины с пути!
Наступление наше, дойди
до границы,— она впереди!

1943

БОЕВОЙ РАСЧЕТ

У могучего орудья
породнились наши люди.

Побратались чистой кровью,
и стоит за брата брат.
Дышат к Родине любовью,
злобой к Гитлеру горят.

Командир — великоросс,
светел цвет его волос.
Он с товарищами в дружбе,
мастер боя и герой,
строго требует по службе
и за всех стоит горой!

Как пойдет снарядик веский
в траекторию-дугу,
как отправим груз советский
к ненавистному врагу —
не придется наш гостинец
на немецкий тонкий вкус!

А отправят грозный груз
и помощник — украинец,
и наводчик — белорусс.

Ко всему бойцы готовы,
светит мужество в глазах.
Среди них грузин — замковый,
заряжающий — казах.

Армянин у них правильный,
парень правильный и сильный
Первый ящичный — татарин,
из Прибалтики — второй,
и в расчете — что ни парень,
прямо скажем, — то герой.

Добиваются успеха,
удостоились наград,
про подносчика узбека
с уваженьем говорят,—
человек за человека
на войне они стоят.

На участке — немцу тошно!
Засекут — и тут как тут!
А когда уж засекут,
командир промолвит: «Точно!
Благодарность от души!»
Украинец «Добре!» скажет, —

наша пушка не промажет!
Говорит казах: «Якши!»

Пусть у нас различны речи,—
породнились с первой встречи,
дружбы той крепка основа,
не поссорить, не разнять,
мы друг друга с полуслова
научились понимать!

Эта дружба — наша сила,
дружба фронта, дружба тыла,
кровь за кровь и грудь за грудь —
вот как мы у пушки встали!
И в бою товарищ Сталин
нам указывает путь!

Орел
1943

РАМКА

Карточку прислала
девушка бойцу.
Белый полушалок
девушке к лицу.

Вся на фоне сада,
как весенний цвет!
Карточка — что надо,
рамки только нет.

Парень был упрямый,
и решил он сам —
сделать вместо рамы
надпись по краям.

В середине — Настя,
а вокруг читай:
«За тебя, за счастье,
за советский край!»

Лег боец в лесочке
в незаметный ров
и поставил точки
вместо этих слов.

Что он делать хочет
с карточкой родной?
Ровно тридцать точек -
буквы ни одной!

Ждет боец,— ни звука!
Ночь, а не заснет,—
ждет он, когда буква
вдалеке блеснет.

Каска заблестела,
заприметил глаз,
пуля засвистела —
буква и нашлась!

День удачно начат
буковкой одной,
вынул парень, значит,
карандаш цветной.

Сел поглубже в яму,
небо в бирюзе,
синим цветом в раму
вписывает «З».

К вечеру второго
уложил врага,
и уже готово
красненькое «А».

Помогает счастье,
ежели — любя!
За три дня над Настей
надпись: «За те-бя...»

Тридцать букв — не шутки!
Спрячется за пень —
по два немца в сутки,
по две буквы в день!

Голубые очи,
девушка-душа,
но и рамка очень
тоже хороша!

И боец из части,
как письмо свое,
посылает Насте
карточку ее.

Почта канителит,
все ответа нет,
через две недели
от нее ответ.

Не скажу, что краток,
но зато — весом:
Карточек десяток
с девичьим лицом!

Здесь она и стоя,
и на фоне звезд,
здесь она и в пояс,
здесь она и в рост.

Есть на фоне моря,
поля и небес,
в головном уборе,
в шарфике и без.

Есть она, как ходит,
в шубке на меху,
есть и на заводе
у себя в цеху.

И десятикратно
девичьей рукой:
«Все пришли обратно
в рамочке такой!»

И идут из части
письма, то и знай:
«За тебя, за счастье,
за советский край!»

1942

ИЗ «ЗАВЕТНОГО СЛОВА ФОМЫ СМЫСЛОВА»[1]

В БОЮ

То не тучами небо кроется, не туман идет пеленой, а бойцы к атаке готовятся. Проверяют затвор стальной, перематывают портянки, надевают плотнее ушанки, чтоб не больно жалил мороз...

На сугробы навалены у берез — на исходной позиции танки. Командиры собрались в землянке. Наступил долгожданный день наступления. Уж расплатится враг за свои преступления! Эх, бойцы! Будет праздник сегодня! Сколько женщин, детей, стариков скинут тяжесть немецких оков и вздохнут легко и свободно!

Командиром приказано взять село и прорвать немецкую линию. А дороги-то набело замело. Побелели деревья в инее. Небо зимнее сине-синее. А когда посветлело и рассвело — понеслась не звезда падучая, а ракета зажглась под тучею.

---

[1] „Заветное слово Фомы Смыслова, русского бывалого солдата" выпускалось массовыми листовками для Красной Армии.

Загляделись на запад люди. Вдалеке — деревенька серая. Ударяет семьсот орудий. Эх ты, матушка артиллерия! Приглядела ты к каждой кочке, пристрелялась ты к каждой точке. Мы дивимся твоей работе: немцу гибель в дырявом дзоте — расчищается путь пехоте. С одного да второго залпа разгорается темный запад. А над бурей огня и снега — наши дали по немцам с неба!

То не валом седым повалил бурак, а пошло несмолкаемое «ура». Подымается серо-шинельная цепь по сугробам снегов наваленных, покрывается бело-метельная степь за бойцами следами валенок. Вперед, бойцы! На весу — винтовки. Вперед без оглядки, без остановки!

Гудит степь, идет цепь. Крепчает морозом зима. В первом ряду — Фома с верным своим автоматом, пример подает солдатам. Идет в атаку русский народ, идет и думает слово: «Вперед!» Какие бы ни были мины расставлены, какие б заборы врагом ни поставлены, идет он на подвиг на воинский свой, и сердце солдата со Сталиным, душа солдата — с Москвой. Так и Фома во честном бою. Пуля ему говорит: «Убью!» — грохот да шип осколка, а он идет да и только!

Немецкая линия вроде уснула, а только поближе цепь подошла — ожили немцы в избах села, пулеметом полосануло. Из деревни вспышки мелькнули, засвистели юркие пули.

Головы наши пригнули, кое-кто и залег. А немец-

кий рубеж — недалек. Только б сделать последний бросок — и оторван у немцев важный кусок! Дорога в наступленьи минута: кто помедлит — приходится круто. Вот и высунул немец железный клык и бойцам продвигаться мешает. Участок (хотя невелик, да судьбу атаки решает.

Слышит Фома стон отдаленный — ранен его командир отделенный. Ранен товарищ. сержант — не в силах винтовку держать... За секунду на поле сражения принимает Фома решение. Подымает он голову выше плеч, говорит он бойцам заветную речь:

— Опозорим ли наше знамя? Вся Россия следит за нами. Сводку ждут на родной земле, ждут известий о нас в Кремле. Слушай меня, отделение! Продолжается наступление.

Подымает Фома боевых ребят:

— Принимаю командованье на себя. Слушай меня, Смыслова Фому,— залпом бей по окну по тому!

Великая сила советский залп — против нашего залпа германец слаб. Как ударили залпом плотным по команде Смыслова «пли!» — оборвался стук пулеметный. Поднялись бойцы и пошли в снежной замети и пыли.

Вперед, бойцы, за своим командиром — не сдобровать зеленым мундирам. Железный крест не во всю-то грудь — много мест, где штыком проткнуть! И свой автомат неразлучный бойцу Фома отдаст, а себе винтовку берет — со штыком-то сподручней пробить-

ваться вперед. Подхватил трехлинейку-подругу в пра-
вую руку да как ворвется в немецкое логово! Ч-
настал для возмездия строгого. Если немец сдается —
жить остается, а если нет — на тот свет!

Получай за голодных сирот, неменкий прод! П-
лучай за бездомных вдов, за сожженный селянски-
кров! Добивай проклятого фона, гитлеровского бр-
на, разорви его глаз ворона!

Вот и прорвана оборона. Не такая она дикова-
если правильно атакована. Вражьих трупов лежи-
гора, неми взяты под стражу пленные — продолжает
наступление.

Во все небо гремит «ура». А навстречу родным б-й-
цам вышли люди освобожденные, на смерть немца-
осужденные. Из подвалов детей выводят, глаз гор-
чих с бойцов не сводят.

Снова жизнь вернулась в хаты села. Заигра-
гармоника веселй. Обнимают бойцов благодарны-
руки, вспоминают жители прошлые муки.

«Дальше гоните врага!» — говорят, за жизнь
свободу благодарят.

...Опускаются тучи сизые. Бой затих. Толь-
искры ракет цветных. Извещают Фому о вызов-
приказал командир дивизии — генерал-майор. Сам
выходит к Фоме навстречу, обращается с кратко-
речью — у полкевников на виду. Обнимает Фом-
как брата, и привинчивает звезду — красный орден
груди солдата. Обнимает Смыслова в оба плеча, н-
зывает сержантом Фому Лукича. Не находит сер-

жант Смыслов подходящих ответных слов. Только положит ладонь на ордене, видно, делом ответит Родине, оправдает высокую честь.

* * *

Так оно и есть. Ночь за ночью, за боем бой — продолжается наступление. Ведет Фома за собой свое дружное отделение. И встретиться можно с Фомой Лукичом — там, где особенно горячо. А бойцы у него, что сыны родные, носят знаки гвардейские нагрудные и имеют отличия наградные. Загоняют врага головой в сугроб, атакуют его во фланг и в лоб, окружают слева и справа. И звенит об отважных бойцах молва, и на вечные годы звучат слова:

Красному воину — слава!

С УМЕЛЫМ БОЙЦОМ ПОБЕДА ДРУЖИТ

Должен я вам, бойцы, доложить, что после ранения возвращаюсь я к вам в отделение — Родине герой и правдой служить, с вами по-боевому дружить. Сказал я «спасибо» врачам и сестрицам, не забыл и с ранеными проститься, пожелали мне в добрый час в родную часть возвратиться. И вот перед вами живздоров — бывалый солдат Фома Смыслов.

В жаркую пору я прибыл сюда — началась боевая страда, дни сурового воинского труда. Показали бойцы перед целым светом, что умеют громить врага как

зимой, так и летом! Что трава зелена, что белы сне
га, а могила находится для врага!

А с того заварилось дело, что немецкая свора не утерпела, город Курск захватить хотела. Двинул Гитлер свои корпуса, да на камень нашла коса. Самый узкий участок выбрав, двинул Гитлер железных «Тигров», ан на «Тигров» нашелся капкан, ан, сорвался немецкий план!

Напоролся немецкий вор и злодей на упорных и стойких советских людей. Показали бойцы-храбрецы умение, в битве рожденное, показали геройство непревзойдённое. Провалилось фашистское наступление, получило сраженье другой оборот — на восток потянулись немецкие пленные, а наши пошли на запад, вперед.

Гордится бойцами народ и Москва, большое спасибо сказали нам. Получили сражавшиеся войска благодарность товарища Сталина! От его благодарного слова загорается сердце бойца рядового, на великий подвиг готово. Пропиталась кровью героев трава, где стоим мы суровым строем, повторяем сталинские слова: «Вечная слава героям, павшим на поле боя...»

Великая школа война! Прошли уже те времена, когда фриц без опаски над нами летал, когда пёр по дорогам немецкий металл. Не прошло учение даром— научились крепким ударам! Советские люди упорны и стойки, знают силу своей бронебойки. Знает артиллерийский расчет, что «Тигру» башку снаряд рассечет! Как ударит орудье — наводка прямая,— у «Тигра»

разу походка хромая! С умелым бойцом победа дружит. Умелый боец и «спасибо» заслужит.

Шли фашистские единороги, да не нашли спокойной дороги. Нарываясь на минное поле, «Фердинанды» выли от боли! Если земляница с огненным фаршем,— враг не пройдет форсированным маршем! Гладит «Тигра» огонь не по ворсу,— на минах у немца поменьше форсу!..

Случалось, отдельные гады пробирались за наши гряды. «Тигр» ползет через ров, поверх бойцовских голов. Лезет, рыча и ревя, но боец-бронебойщик знает, что брюхом «Тигр» не стреляет. Не умеет он бить под себя. Спокойно боец ожидает. А только проехал гад,— боец оживает и садит «Тигру» в зад бронебойный заряд. *Потому бойцы говорят: «И тигры горят!»*

Мало танк подбить, надо его добить, шкуру его насквозь продолбить! И хотя у него снаряжение мощное, а пробить его дело вполне возможное. Мало ли их уже уничтожено! Как советские пушки грохнут,— «Тигры» за мое почтение дохнут! *Угощай же немца по-русски, чтобы век не забыл бронебойной закуски!*

Немец сорвался на выступе курском. Он теперь ноослаб — выбили мы почти из немецких лап. Сотни «Тигров» железом прожгли, сотни стервятников с неба сбили, тысяч за семьдесят фрицев навек усыпили и в наступленье сами пошли!

Здорово бьет артиллерия наша! «Катюша» песни поет, фрицам «жизни дает». Впереди полыхают наши разрывы, орудья советские говорливы, кромсают немецкие рубежи. А ты не лежи, товарищ, в сторонке, дали сигнал — не жди, а смело вперед иди — от воронки к воронке. Летит советский снаряд, а за ним спешит советский солдат. Снаряд взовется, а боец за ним пробежится. Примером своим увлекай соседа. С умелым бойцом дружит победа! Помогай огнем успеху пехоты! Бойцы пробежали вперед — подтягивай ближе к ним пулеметы, на новое место ставь миномет. Тому, кто движется дерзко, нужна огневая поддержка. Движутся люди — продвинь и орудье. Пулеметчик, не отставай от бойца, помогай ему ливнем свинца! *Ежели тише покроем огнем — немца скорее к могиле, пригнём!*

Бывает и так: земля дрожит, боец вперед, конечно, бежит. А стрелять забывает. То ли голову шуму забивает, а так бывает. А нам во время атаки на поле битвы нужны не гуляки! На то тебе и даны патроны, чтоб выбить немца из обороны. На немца огонь обрушивай из всего своего оружия! На то автомат, винтовка, граната! Стреляй на ходу, на бегу! Покажи, землячок, врагу, что такое отвага солдата! Что не выручат немца разные штуки,— или немцу тут подыхать, или подымать дрожащие руки!

Должен я вам, бойцы, доложить собственный опыт. Чтоб скорее врага сокрушить, доберись до немецких окопов. Доберись и иди в рукопашную, схватись

[illegible]страшную. Тут тебе нечего бомбы бояться — ежели мы ворвались к ним, не будет немецкая авиация бить по окопам своим. Пушкам немецким бить не приходится — немцы тут же в окопе находятся. Мы в рукопашной немцу страшнее,— всаживай штык в поганую шею, занимай, очищай траншею.

Куй железо, пока горячо, атакуй еще и еще! И все назовут тебя храбрецом. Дружит победа с умелым бойцом!

Ежели с танками будет атака — не отрывайся от нашего танка. Танки у нас надежные, руды родные в броню их вложены. У русского танка крепкий доспех. Немца советский танк проутюжит, а ты — закрепляй успех!

С умелым бойцом победа дружит!

Чует немецкая свора, что скоро ей каюк. Видит Гитлер железный крюк, на котором ему качаться. Да не хочет, подлец, кончаться. Туго Адольфу в Берлине,— дружок-то его Муссолини теперь не у дел — первым слетел! А висеть ему, Гитлеру, в паре с подлецами, повешенными в Краснодаре! И дождусь я того денька! Ох, и крепка будет ему пенька. За пролитые немцами реки крови вей убийцам жгутек пеньковый, крюк железный Гитлеру куй, бей проклятого, атакуй!

Истребляй фашистскую силу, штыком и огнем закопяй в могилу!

Будь в обороне упорен и стоек, а в атаке напорист и боек!

Не забудь поговорку соседа: с умелым бойцом дружит победа!

Вот, ребята, моя беседа. Только смотри, браток, не раскуривай мой листок. Как прочитал — товарищу передал! А хочешь — мне письмецо напиши, буду рад тебе от души. Будет время, отвечу — письмом или речью. Читайте, бойцы, как победу ковать, как немца поганого атаковать. Читайте, запоминайте, Фому добром поминайте!

Курский выступ
1943

ДНЕПР

Песнь

Эй, к Днепру! Соберайтесь-ка вы, войсковые былинники, златоустые песенники Москвы, подымайтесь-ка вы до зари, кобзари, богатые трелями! Вот он, берег днепровский обстрелянный, ясно виден с высокой горы! Наклонись, летописец с певучим пером, заглядись, живописец с зеркальною кистью, на холмы над бурливым Днепром! И ашуг, засверкай драгоценною мыслью, и акын, надевай свою шапку лисью,— все лицом к неоглядным боям! О, сурового времени новый Баян, не пора ли готовиться к песне? Там, у Киева, Гоголь, воскресни!

Делит Днепр на две стороны белый свет. Две стены: там еще небеса черны, тут рассвет. По ту сторону любо виться черному ворону, а по эту любо сизому соколу виться по небу высокому. Как оперся на той стороне в берег невольный одноногий чорт шестиствольный, порохом вздуло железные пуза скрипух, и от рябого немецкого дула отделяется гибельный пух. Там, у хаты, брошенной старой Ивашкой,

«Фердинанды» скрипят, набитые черной механикой. И в ночь стоит искропад бомб и звезд падучих. Не оттуда ль доносится слово «Schmerz», уходящее в смерть, когда дыбится поднятый бомбою смерч? Тут стоит в подневолье. Там — на той стороне — почерневшие прусские бесы роют рвы в огорелом стерне. Это ад, возмездье вчерне. Обреченный анафеме род — никогда не увидит своих Бранденбургских ворот. Тут им жребии смертные выпали — не пройдут под берлинскими липами. Тут, у вишен сожженного сада, им могила указана. Не узнают другого, загробного ада. Им — и в адском бессмертья отказано. Но стоят, строят ад, упираются в глинистый камень, зарываются бронированными колпаками в крутизну нависающих гряд...

А сейчас, по осенней поре, преет утренний час на Днепре. Сыровато, волна серовата. Пар стоит, как серая вата. И встают на Днепре деревца водяные, будто снизу плюются вверх водяные из подводного града. Деревца эти от снарядов.

А на левом его берегу обтекают дивизии береговую дугу. Тут — подходят, идут. Будто тянут огромные мрежи по левобережью. Тянут колючие сети, длины необычайной на свете. И видны их следы вдоль великой днепровской воды. Это сети на немца. Тянет сети высокий народ — самый крепкий в мире: из Орла, с беломорских широт, из Сибири. Киевлянин тут есть, полтавчанин тут есть, украинцев не счесть. Все пришли постоять за днепровскую честь. И гра-

нату сжимают рукою, подходят плотней к иглам железных плетней, угрожают врагу за старинной рекою, пролетают над ней.

Много суток бойцам не спать. Утомился водитель в танке, а не встать. Приварились к ногам портянки, не перемотать. Дни настали такие, встал и смотрит налево Киев. Немец тело Киева жжет. На костре, к железу прикрученный, город-мученик ждет. Ждет и просит нас не прощать их, руки дыма поднял Крещатик. Наморщинила желтый лоб и насупила бровь терраса. Ожидание так легло б и на лоб Тараса.

Там, пришпорив тяжелую бронзу коня, под вздувающимся балдахином огня, сам Богдан тряхнул седой головою, созывает народ золотой булавою на подвижничество боевое. И глазам украинцев больно смотреть на узорных будынков руины. Слышат хлопцы Хмельницкого грозное: «Геть! Годи терпеть! Нимцев геть з Украйни!» А войска спешат к нему по Днепру всему. Висит железный запах над каждым его мостом. А пушки на запад указывают перстом. И едут дороги, и едут понтоны, саперы смеются: «Уж мы не потонем!» Папаху казак заломил набекрень, балагурит, Тарасову люльку нашел и курит. Шумит у Днепра советский курень. Шляхи оживились взрытые, где трясутся машины крытые. Может, как встарь, улеглась в шарабане тесном и закрылась Катюша платком до глаз — девушка из песни? Да нет! Катюша она, да не та. Другая,— смертельная красота. И трудно людям в бессонном походе, но они пошутить

[illegible], но чуден Днепр при тихой погоде, и — знаете ли вы украинскую ночь?

На небе — [illegible], словно бродили гуртом [illegible] из какой-то чудной сторонки... Изгрызано поле гигантским ртом. Какими циклопами вырыты ямы? Какой [illegible] колеями от [illegible] римых [illegible]? Тянется низом сумрак, паром [illegible]. И, [illegible] выходит туман на [illegible], [illegible] тени из старых времян, чубатые деды [illegible]. Деды [illegible], а может, [illegible]? Тени лежат на крутизнах. Может, [illegible] тихую тризну, костром у [illegible], Кий, Щек и Хорив? [illegible] Днепр [illegible], и [illegible] ли, друг, не [illegible] ли с витязями Святослава? Чего и туман не [illegible] в [illegible] месяца! Так [illegible] светло, так сумрачно светится. А может, не месяц, а оселедец на запорожца падает лоб? А может, тени петровских солдат у костров погасших [illegible]? Туман о гигантские [illegible], [illegible] о [illegible]... А может, [illegible] — [illegible] Щорса [illegible] сюда на привал?

Да, [illegible] тут люди! Ветвями прикрыты щиты [illegible], где древле стояли Аскольд и Дир. С [illegible] стоит командир, и чуб ковыльный [illegible] каску [illegible]. О [illegible] делах они говорят и тут же входят в историю. И с [illegible] на ту сторону, и там уже делает дело свое, огнем завершая [illegible]. И с ним [illegible] другие — [illegible] металлургии. А [illegible] за Днепр [illegible] Урал, [illegible]

и орденá. Седые [illegible] мастера у [illegible] ленных домен. Горит на заре золотая во[illegible], и пули дро-жат, как [illegible]. А [illegible] ведут спокой-ную [illegible] ([illegible]), по старой [illegible], [illegible], как сан-[illegible]. А то по-[illegible], будто из [illegible] книг. А то у иных сошла на погоны Большая Медведица, а то у [illegible] руки [illegible], и люди они себе неизм[illegible]. [illegible]? И [illegible] во славу новых годов [illegible] вперед они [illegible] величавой [illegible] к матери наших род-ных городов!

О, Днепро, твой [illegible] — как [illegible] листок, ручей серебряный [illegible] около [illegible]го дерева. Вас [illegible] Россия и [illegible] два ветвистых речных [illegible], две [illegible] рек, обнима-ющих землю нашу, как две сестринских руки. И [illegible]! И [illegible] тому, кто задумает их [illegible]! Да, горе — могилу тому [illegible], кто может [illegible] [illegible]! [illegible] — и [illegible] из [illegible]. Вот он стоит в [illegible] [illegible], как [illegible]: «[illegible] его! [illegible] в [illegible] под Киевом! [illegible] в [illegible]! Как [illegible] — вот [illegible]. Так [illegible] в [illegible] плаще величавая Родина. И [illegible] у нее в обо[illegible] руке.

И встает из Подола батько старый, и глаза его светом объяты. Говорит: «Погоните немцев за Стрый и далее еще — за Карпаты».

О, Днепро! Устье твое ушло в Черноморье корнями. К нему наклонялись казаки конями — пенить серебро твое. Крепкий, [illegible] корнем стоит земля наша на море Черном. Горе тому, горе, кто мыслит копать под днепровский корень, под Черное море: Гибель тебе, солдат гаконкройца, — Черное море могилой раскроется. Стиснет того волна ледяная, потащит за волосы к устью Дуная. Затянется [illegible] чужой человек, ввек не подымет виевых век — море засасывает навек.

Бой идет — за Днепр голубой! Потонули в дыму церковные вышки, округлились дымки вдалеке, как разбитые зеркальца, брызнули вспышки на реке. Началась через Днепр переправа, [illegible] бойцы на плотах, засновало, запело в осенних кустах, пушки смотрят направо, а бойцов на [illegible] мостах [illegible] великая слава...

И еще светлей рассвело! На позициях выросла взрывов дубрава. И уже заскрипело казачье седло, и окрасилась сабля кроваво. И уже штыковая работа во рву. И уже [illegible] руками в траву [illegible] мертвый Курт или Эрих... Как долина, раздвинулся правый берег, и в долину втекли войска. И раскат ударил в раскат. За багровым каскадом взметнулся каскад. А долина все шире. И под танком осекся немецкий всхлип. И листок заднепровский прилип к железу «Т-34». Звучит мщения рог! Виден Кривой Рог. Все гуще железный

запах. Немцы лежат головами на запад в пыли заднепровских дорог...

А еще мне видится, друг, будто наша земля, как натянутый лук. Будто Днепр на излуке — натянули могучие, сильные руки. Они смотрят в дымную мглу. Беспощадные пальцы, не ведая дрожи, тетиву натянули у Запорожья и готовы пустить стрелу!

Днепр! Дарю тебе песню свою! Верно, те, что в бою, спеют куда златоустей! Но плыви и песня моя от истоков до устья, как простая ладья. Доплывет — значит верные ставлены снасти, значит выпало мне попутное счастье и Днепра причастился и я.

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]

В тулупе, в косматой ушанке,
он долго глядит на снега,
где стрелы советской чеканки
врезаются в спину враг.

И [illegible]
[illegible] стрелой,
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]!

О, вестники мщенья и смерти!
Летите без промаха в цель!
Пусть [illegible] стрелы начертит
на карте своей офицер!

Пусть [illegible]
[illegible]!
Советские стрелы —
на Запад,
все пули,
[illegible]
туда!

1943

ВОЛНА ВОЙНЫ

Включаю — на волне войны
приемник свой...
И мне слышны, и мне видны
бои у Западной Двины,
гул над Москвой...

Войной изрытые поля
обожжены,
орудья тянутся, пыля,
и вся контужена земля
волной войны.

В моей душе — разряд, разряд!
Гром батарей...
Как поезд, близится снаряд,
гудит обвалом Сталинград
в душе моей...

Трясется в пальцах пулемет...
Разрыв... разряд...

Гастелло огненный полет,
и крик Матросова: — Вперед.
и Зои взгляд...

Волна контузит, накренит,
отбросит в ров,
а если встанешь — распрямит,
в воронку боя, как магнит,
потянет вновь.

Не выключай! Все улови!
Сумей вместить
и губы раненых в крови,
и шопот медсестры: — Живи!
и просьбу: — Пить!

Но я тревожусь: слышу всё ль
в разрядах гроз,
персты свои влагая в боль,
губами осязая соль
прощальных слез?

В печах Майданека, в золе
тел и берез,
в могилах с братьями в земле,
на хирургическом столе
ловя наркоз?

И не приемник — вся душа
сама собой,
дыханием бойцов дыша,
волнуясь, падая, спеша,
уходит в бой.

В селе за Западной Двиной,
в углу страны —
в ворошке, от золы седой,
не молкнет принятая мной
волна войны...

1-й Прибалтийский фронт

БОЛОТНЫЕ РУБЕЖИ

Болотные [illegible] рубежи.
Уже не один ноябрь тут люди [illegible] войну,
[illegible]
[illegible]

Как низко [illegible] трава, как ягоды тут горьки!
Вода в [illegible]
Но люди [illegible] войну, [illegible] под [illegible]
у [illegible]

В трясину [illegible] земли,
и бомбу [illegible]
а [illegible], как [illegible],
и всюду — [illegible]

К болоту [illegible]
Живет он [illegible]
что [illegible],
что надо [illegible]

Заместо [illegible] нижу [illegible],
старинный [illegible]

На лавке лежит боец с разбитою головой
И как его довезли в заброшенное село?

Он бредит, он говорит о пуле над головой.
(«...но если я слышу свист, то, значит, она не мне...»)
А девушка-санитар приходит с живой водой,
с письмом от его сестры и с сумкою на ремне.

А прялка жужжит в избе, и сучит старуха нить.
И разве, чтоб умереть, добрался боец сюда?
А девушка перед ним, а раненый просит пить,
за окнами долгий гул, и в кружке стоит вода.

Он бредит, он говорит, что надо вперед, бегом!
Что эта вода желта и рвотна, как рыбий жир,
что чавкает зыбкий грунт, как жаба, под сапогом,
что надо б скорей пройти болотные рубежи...

Товарищ, приди в себя, ты ранен не тяжело!
Не пули свистят вокруг, а вздрагивают провода
Тут госпиталь, тишина, калининское село.
Ты выживешь, мы пойдем в литовские города.

За окнами вспышки, блеск, артиллерийский гул,
тяжелый и влажный снег врывается за шинель...
Но разве хотя б один о теплой избе вздохнул,
и разве в таких боях мечтают о тишине?

О, только не тишина! Скорее бы за порог!
А сколько осталось верст до Риги от кочки той?
До твердой земли полей, до камня сухих дорог,
до Каунаса, до небес Прибалтики золотой?

А тут, где по самый край воронки наполнил дождь,
где тонок ночной ледок, где пешим не прошагать,
где что ни пригорок — в кювет проваливается «Додж»,
где вывернула кишки шоферам кривая гать,—

нам каждый аршин земли считается в десять верст,
не реки, но и поля бойцы переходят вброд,
в туманах глаза бойца отвыкли уже от звезд!
О чем же еще мечтать, как не о рывке вперед?

Лучина горит в избе мечтанием о свече,
двух тлеющих папирос два движущихся уголька,
с затяжкой слегка светлеют три звездочки на плече
и поднятая, у губ помедлившая рука...

«Полковник! До нас дошло, что нашими взят Пропойск.
Когда же сквозь гниль болот прикажут и нам пройти?»
«Учитесь терпеть, майор! На картах у наших войск
помечены далеко проложенные пути.

Мы ближе, чем все войска, к границам врага стоим,
отсюда дороги вниз, отсюда дороги вверх,
и именно, может, нам придется огнем своим
пробить из воды болот дорогу на Кенигсберг.

Мы видели с вами Ржев, весь в кратерах, как луна.
Сквозь Белый прошел мой полк, а город порос травой.
Мы шли без дорог вперед, и нас привела война
за Велиж, где нет людей, [illegible] неживой.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ГРАНИЦА

шли, снаряды на руках неся,
шли, впрягаясь в грузные орудья.
В муках отбирали города,
шли к реке, с которой не прощались,
кровью пробивались, *возвращались*,
и земля не знала никогда
той дороге равного труда.

И когда багровая зарница
озарила крайнее село,
и когда увидели: граница! —
стало в мире заново светло,
показались гладкими дороги,
легкими — натруженные ноги,
свежей — обожженная ладонь,
безопасным — яростный огонь.
Сытым стал усталый и голодный,
стал ненужным отдых и привал...
И боец припал к воде холодной,
он ее не пил, а целовал.
Он с рекою оставался вместе,
воду нежно гладила рука,
и, как мать, не ведавшая вести,
сына в нем увидела река.
И, как сыну, тайно показала
безопасный, заповедный брод,
вдоволь напоила, подсказала
слово материнское: — вперед!

1944

К ПОБЕДЕ

Сегодня под самой Варшавой
сражаются наши войска,
раскатами славу за славой
бойцам посылает Москва.

С боями — за городом город,
на север, на юг от Двины,
и вот залетает за ворот
прохлада балтийской волны.

Немецкая серая каска
пробита и втоптана в прах,
и мне вспоминается сказка
о семимильных шагах,

о тех сапогах-скороходах,
которые создал народ,
испытанных в долгих походах,
шагающих только вперед!

О тех боевых самопалах
искусников-кузнецов,
что в кузнях Москвы и Урала
народ смастерил для бойцов.

Об этих шагах великаньих
гремит вечерами Москва,
за дальние за океаны
переплывает молва,

что сказочна сила народа,
что наши дела велики,
что скоро ворвутся в ворота
Германии — наши полки!

Что пролиты были недаром
и пот и солдатская кровь,
что грозный удар за ударом
гремит из уральских стволов,

что дальше, по вражьему следу,
торопится слово «вперед»,
что Сталину Орден Победы
вручил благодарный народ!

1944

ПУРГА

К Одеру!
К Одеру!
К Одеру
волжская
мчится пурга,
страхом
и смертною одурью
сводит
и корчит врага.
Хмурые домны
Силезии
прячутся
по сторонам...
Вот они —
кузни железные,
цепи
ковавшие нам.
Вот она —
злая механика!
В зареве
страшного сна
тут кочергу
для Майданека

немец
калил докрасна!
К Одеру!
К серому Одеру!
К устью
от южных высот!
Пусть окровавленной
мордою
зверь,
отступая,
грясет!
Гончие стаи
«катюшины»
гравлей,
в облаву — за ним!
Стены Берлина
контужены
нашим огнем
громовым!
Пушек
могучие тысячи,
грохните
в голос,
во весь,
сбейте
со шпилей готических
средневековую
спесь!

Страхом
и смертною одурью
сводит
и корчит врага...
К Одеру!
К Одеру!
К Одеру
русская
мчится пурга!

ОДЕР

Песнь

Не славно ли будет и нам — поэтам, былинникам и кобзарям — помчаться к кипящим волнам, к изрытым колесами дюнам? За Одер лететь реактивным перунам, свинцовым свистеть соловьям, за Одер — пора и словам! К зареву полночи выйду сокольничьим и быструю песню пущу с рукава. В охоту, слова! Несись, моя песня, на Варту и Нейссе и соколом взвейся! И птичьи следы оставь на снегу, и цепкими впейся когтями в синие веки врагу!

Вижу пургу! Вижу вьюгу! Одера вижу дугу и горы, ползущие к югу. Слышу сигнал боевой. С Германией смертный припадок. Хрип. Вой. Обвалы ревут на Карпатах... Истоками дергая, корчится Одер кривой, как Змий под пикой Георгия.

Мутный месяц плывет, кровяной, порожденный войной. Он плывет в облаках над Германией. Ночь на Шпрее — мрачнее, туманнее... Все красней от пожарища улица узкая, все слышней артиллерия русская. Приближаются «Максимы», гильзами лузгая. И врагам выползать из траншей — все страшней.

За рекою еще пыхтит и клубится германская индустрия убийства. В мертвом сиянии ртутных ламп бьет по болванке тяжелый штамп. Свинообразные бомбы тучнеют в тени катакомбы. Рождаются «фау» в подземных цехах. Холодные иглы у фрау в руках — кожей свиной обшивают свинчатки, мешочки вискозные шьют для взрывчатки. Копотью труб задымлена высь. Пыхтя из пенковых трубок, наморщили лбы конструктора душегубок безвыходной мыслью: спастись! Над кружками мюнхенской пены сошлись испытатели тифа на военнопленных, мастера тюфяков из женских волос... Тесно стало в зачумленном Мюнхене, их загнало сюда орудийное уханье, из-за Волги несущийся снежный занос! В гестапо сжигают улики приказов о комнатах пыток и камерах газов. Со лбов истязателей катится пот... Но кровь — вопиёт!

О! Не срастаются кости убитых! Из пепла не вылепить мертвых отцов... Из братских могил не поднять мертвецов, не соединить позвонков перебитых... Порастет травою столетий Майданека пепельный след. И не потянется детский скелетик обнять материнский скелет... Не выйдут процессии погребенных, на палача не покажет ребенок, убитый доморской иглой... Преступленье покрыто золой. Не вскинут очей белорусские мученицы, которых давили силезские гусеницы, старухи, которых косил пулемет...

Но кровь вопиёт. Кровь миллионов кричит из минских предместий: — Мести! Видения гетто и лагерей стоят у звонков берлинских дверей. Рядом тлеют замy-

ченный русский и убитый еврей (костями смешались они на Майданеке), палача уличают кровавые сгустки. Сталинграда святые руины и зола изувеченных хат Украины взывают: — Скорей! Идите, судите! Требует пепел: — Народы, суда! И дивизии слышат: — На Одер, сюда!

Сюда! Без ответа кровь не останется. Зови! Длинный хребет по Одеру тянется. Зови! Г[illegible]ся у Альп. Мёртвый берлинец лежит у порога. Тревога! Зенитки замигали. Тяжелые бомбы воют в луче. Фридрих дер Гроссе на погосте качается в бронзовом параличе... Лошади в цейхгаузе Зигфрида [illegible]... Achtung Panzer! Советские танки идут. Разорван снарядом бетонный редут. Свершается месть — проходят по зданиям трещин морщины. Орудий указующий перст наводят на Ад броневые машины. Советский снаряд в берлинском саду! Пусть немцы сегодня побудут в аду в кипящем металле, что жизнь испытали мы в сорок первом году! Пусть тучные бюргеры с[illegible]тся, спрятавшись! Пусть их погребают [illegible], как в Минске детей погребали дома! Пусть злые Брунгильды сходят с ума! Грядет Справедливость сама, как бомбовоз, качая весами. Штурмовики скользят над дворцами. Пылает Берлин. Багровая мгла. Тиргартен затоплен толпами беженцев. В преступное сердце немецкого бешенства вонзается наша стрела! За Одер, на западный берег! Вон — цепи немецкие, бей их! По скользкому салу, за ледостав, на хмурые стены берлинских застав! Десанты лежат на стреляющих танках, и наши бойцы в помятых ушанках спешат в боевой [illegible], в шинелях,

истертых глиной Карпат и шершавым асфальтом Варшавы. Их глаза от бессонниц кровавы. Но ищут они — переправы! На лицах рубцы. Все дороги истрогали ноги. На руках ожоги. Это Возмездья бойцы.

На серую дюну вырвался танк, в оспинах многих атак, седым посеребренный холодом. Как мамонт, повел по воздуху хоботом. Пулеметом сказал: — Так, так, так... И вот из гигантского тела стального, прикрывшись ладонью от света дневного, в пояс поднялся советский солдат, забрызганный кляксами смазки. Ноги его гудят от суточной тряски. Одернул лоснящийся комбинезон, глазами обвел чужой горизонт, где в дымке — крыши и трубы. Оперся о грубый металл своего многотонного ящера, подумал: — Зима — ничего! Подходящая. И то ничего, что руки гудящие, и то ничего, что в масле щека. В Одер глядит не без смешка на его помрачненную воду: — Вот и привез из Москвы непогоду, поземка-то как извивается! — Привстал над рекой: — Вот он Одер какой! — И сам себе удивляется: — Силен же советский боец, какой отмахал по Польше конец! А можем и больше. И до Берлина достанем огнем, и эту речушку перешагнем, хотя, конечно, широкая... — молвил, по волжскому окая. — А кончим войну — река, как река, не мелка, судоходна и широка...

Справа за лесом начался обстрел, и танкист на мгновенье вокруг посмотрел, и всюду, где дюна, бугор или дерево, тянулось на запад от Одера серого орудье советского танка. Коротка у танкистов стоянка! Еще второпях из фляги хлебнул, заглянул деловито под гооку да

завернул махорку в обрывок Das Reich и себе самому подмигнул: — Есть на чем воевать! Отец на коне сражался у Щорса, а я в броне...

Знает ли он, как ждут его тихие села, в снегах, как невеста, в белом, к венцу? Как у краковских древних костелов полька спешит навстречу к бойцу и, рукою держа распятие медное, щекой прижимается бледною к обожженному боем лицу? Знает ли он, что мыслит о нем серб-партизан, управляя конем на горном обрывистом скате? И чех в городке, объятом огнем, и в Праге на Уличке Злате? Знает ли он, как в схожей с полтавскою хате шепчет хорват иль словен простые слова о русском солдате: — Брате, буди благословен!..

И в снежном дыму родных деревень — радужный и реальный — виден завтрашний день... Перед Приказом звучит перебор окрыленный рояльный, мир восходит еще на ступень. Звон звучит обещающе, медленно, длинно, будто из волн возникает Былина о взятии нами Берлина... Вот — от Спасских ворот Москву озарит гигантская вспышка и видною станет каждая вышка, и вверх фейерверк! И вздрогнет земля в потрясающем гуле тысяч «Победа!» орущих орудий, и в красно-зеленой мелькающей мгле — Царь-Пушка ударит в Кремле, и только ли? Да здравствует гром! Старинная медь с серебром воскреснет в Царь-Колоколе! Прожекторы бросят лучи небу на звездное платье. Кольчуги, щиты и мечи зазвучат в Оружейной Палате. Гром во славу Советской Столицы! Ленинский стяг по небу простерся. В Музее Гражданской Войны озарятся полотна Фрунзе и Щорса.

Материнские руки к Западу вытянутся, и в них венки. К седым и гордым учительницам придут возмужалые ученики. Токарь завода «Здравствуйте!» скажет и чертеж посмотрит на свет. Отцу лейтенант-комсомолец покажет полученный в битвах партийный билет. Набухайте почками, ветки, затемнение с окон, прочь! Двое пойдут к той самой беседке, где прощались они в июньскую ночь. И там, где за Родину лёг, в мраморном зареве мирных морозов, изваянный скульптором встанет Матрос в на перекрестке многих дорог. В касках врагов на зеленых долинах сварят обед пастухи. И на обороте плана Берлина поэт напишет стихи, осененные светом рассветным. Он зарифмует «кровь» и «любовь», без боязни быть трафаретным. И важным покажется спор живописцев о цвете и свете. Дети! Для ваших построятся глаз — новые книги на полках читален...

Встанем,— читают приказ, подписанный именем — Сталин!

К этому дню — переправа идет через Одер! Слово огню! Весна растет в непогоде! По аллеям Тиргартена стелется наша метелица. Обмотавши платками гриппозные шеи, последние немцы вползают в траншеи. Напрасно! Немецкий не выдержит дот. Бетон попирая, Возмездье идет. Багровые взрывы гуляют по складам. С танка боец соскользнул, замахнулся прикладом и немца в Одер столкнул. Громче гул. Яростный бой. Одер рябой подернут гусиною кожей, трусливою дрожью. Напрасно он лег поперек германских дорог, ржавчину игл ощетинив, разинув драконову пасть

у Штеттина. Глубоко мы вонзили копье, Одер, в холодное брюхо твое! Насквозь прошло острие. Уже и на западном берегу пушки гремят: — Горе врагу! Обрублены лапы притоков. Дейчланд виснет на ниточке. К Бранденбургским воротам с востока тянется ключ титанический. Ненадежны замки германских ворот. Страшен, страшен ключа поворот! Им немало замков отпирали. Кован он на Урале. На железе начертано слово: — Вперед!

ЗАВЕЩАНИЕ

Боец упал на снег у Волги
и, чувствуя приход конца,
к себе, тоскуя, стоном долгим
позвал товарища — бойца.

Он задыхался, медлил, бредил,
его шинель пробил металл,
но в вое вьюги — о победе
он перед гибелью шептал:

— Товарищ, я смертельно ранен...
Вот тут у Волги схорони...
Вот тут под орденом... в кармане...
есть завещанье... сохрани...

Ушел товарищ в бой на запад,
как говорил ему герои,
и до Днепра добрался за год,
до синей Вислы за второй.

Он с завещаньем драгоценным
за Одер вышел в гром и дым,

Берлина сумрачные стены
уже дымятся перед ним...

Пожар над севером и югом...
Боец на зарево взглянул,
завещанный погибшим другом,
он план Берлина развернул,—

там прочертила путь к победе
карандаша прямая нить,
там друг его давно пометил,
где надо знамя водрузить!

ПОБЕДА

Пусть победители пройдут
по нашим светлым площадям!
Те, что прошли по минам — там,
да прошагают ныне тут
по хвойным веткам и цветам!
Отвоевавши мир и труд,
пусть победители пройдут,—
те, что прошли потоп огня,
циклон осколков, мрак и дым,—
пусть по московским мостовым
пройдут, медалями звеня,
под ливнем лепестков цветным!
Достойных радостного дня,
достойных песен и легенд,—
пусть их встречает вся страна!
Пусть расцветают ордена
на полосатых листьях лент!
Столица древняя! Дивись!
Созвездья движутся Москвой.
Пусть звездочет глядит не ввысь,
а на героев гордый строй,
на грудь с Звездою Золотой!

Пусть победители пройдут,
и пусть помедлит бег минут,
и остановится тот час,
когда под триумфальный марш
на мавзолее встретит вас
Главнокомандующий наш!

Сегодня будет нам видна
вся наша слава, вся война.
Пусть, окровавленный, пройдет
ненастный сорок первый год -
панфиловской заставы бой,
метель победы под Москвой
и те дороги, те снега,
где гнали в первый раз врага.
Пусть Колпино возникнет тут
с шипами проволочных пут
в нагроможденьи баррикад.
И да воскреснет Сталинград
в разрывах и в руинах весь.
Его герои с нами, здесь,
о них знамена говорят...
Пусть проскакавший эскадрон
напомнит нам, как тихий Дон
был от врага освобожден.
Вот входит Курская дуга,
тисками сжавшая врага.
По площади прогрохотал
советских танков мощный вал,

и с ними — славные дела
и радость взятия Орла.
Не легок был солдатский хлеб,
не сладок был солдатский труд,—
те, что форсировали Днепр,
пусть перед Родиной пройдут!
Когда подымет медь горнист,
вновь прозвучит великий час
восстановленья всех границ,
врагом отторгнутых у нас!
О, башня Спасская, звени,—
победные проходят дни:
Варшавы, Вены, Праги день
шагает у кремлевских стен
и день, когда победный стяг
мы водрузили на рейхстаг!
Победа движется в строю,
ступает на высокий кряж,
и видит Армию свою
Главнокомандующий наш!

Пусть победители пройдут,
свершившие великий суд,
те, что в бесчисленных ночах
делили в темных блиндажах
солдатское житье-бытье,
что выносили на плечах
и генеральских звезд шитье,
и тот тяжелый, трудный груз,

что им доверил наш Союз.
За ними твердо шли бойцы
во все края, во все концы,
в огонь и в орудийный гром,
и тут их неизменный дом,
и тут — в народе трудовом
их матери и их отцы.
Пусть офицеры наших войск
пройдут московской мостовой.
Они, чье золото погон
добыто в стали и свинце,
и это званье «офицер»
в бою им присуждал огонь.
Не голубая кровь дворян,
а красная текла из ран.
И тут на родине их дом,
и тут в народе трудовом
круг их друзей и круг родных,
невесты, братья, дети их.
И пусть идет на праздник свой
красноармеец рядовой,
прошедший с боем сквозь Берлин.
Он верный и любимый сын
своей отчизны трудовой.
Глядят кремлевские зубцы,
у амбразур сторожевых
идут советские бойцы,
как строй Матросовых живых,
готовые закрыть собой

всю ширь республики родной.
Здесь наши люди! Вот они —
сердцами Ленину сродни.
И слышит этот стук сердец,
как боевой присяги марш,
великий Сталин, наш отец,
Главнокомандующий наш!

Пусть победители идут,
они своих родных найдут
в селе, и на лесной тропе,
и в шумной уличной толпе.
Родные смотрят из окон,
родные вышли на балкон
и вывесили все ковры,
и опустели все дворы,
и на деревья, на столбы
полезли гроздья детворы.
О, благодарный шум толпы!
Идут полки по мостовой,
звенит Столица всех столиц.
Девичий голос: — Это мой!
И обернулось триста лиц.
Как наша велика семья!
Бойцу почудилось: — Моя?
Ошибся он на этот раз,
но посмотрело триста глаз,
и сотни свежих губ, смеясь,
уже бойца спросило: — Я?

Пусть победители пройдут,
они свою семью найдут,
обнимут милых и родных,
заводы строивших для них,
сбиравших хлеб, варивших сталь
для воинов, ушедших вдаль.
Ушел на Запад милый брат
и скрылся в боевом дыму,
но пулемет и автомат
сестра готовила ему.
Его вихрастый младший брат
ушел обтачивать снаряд,
и орденские ленты мать
ему не уставала ткать.
Когда ты шел в огонь атак,
наперекор лихой судьбе,
вот эта — подарила танк,
а тот — орудие тебе!
Ты всем советским людям — брат.
Вот площадь Красная, вперед!
Там этот радостный парад
сегодня примет весь народ!
Мы встретились в семье одной
со звоном чокнувшихся чаш.
И над ликующей страной
вот — подымает кубок свой
всю Родину водивший в бой —
Главнокомандующий наш!

СОДЕРЖАНИЕ

Война! 3
Горсть земли 5
Дети 6
Человек 8
«Дед» 10
Ратные рукавицы 12
В Москве (из «Поэмы Фронта») 14
Знамя Ленина 24
Бей с неба! 26
Останови! 28
Не отступать! 30
Вперед! 33
Орел! 35
Песня людей на земле 37
Враги 39
Сын и отец 41
Боец 44
Гвардия 46
Добре! 48
Попутная песня 50

Есть дорога 53
Два дуба 56
Вчера в Москве 62
Имя 64
Харьков 65
Кубань 68
Одесса 71
Севастополь 73
Наступление 76
Боевой расчет 78
Рамка 81
Из «Заветного слова Фомы Смыслова»
В бою 85
С умелым бойцом победа дружит 89
Днепр 95
Стрелы 102
Волна войны 104
Болотные рубежи 107
Граница! 111
К победе 113
Пурга 115
Одер (песнь) 118
Завещание 125
Победа 127

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

ПОЭЗИЯ

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ

О. БЕРГГОЛЬЦ. *Ленинград.* Стихи и поэмы. Стр. 80.

С. ГУДЗЕНКО. *Однополчане.* Стихи. Стр. 48.

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ. *Вера в победу.* Стихи 1941—1943 гг. Стр. 128.

М. МАТУСОВСКИЙ. *Когда шумит Ильмень-озеро.* Стихи. Стр. 72.

Н. РЫЛЕНКОВ. *Отчий дом.* Стихи. Стр 136.

Б. ПАСТЕРНАК. *Земной простор.* Стихи. Стр. 47.

К. СИМОНОВ. *Война.* Стихи 1937—1943 гг. Стр. 148.

Р. СТИЙЕНСКИЙ. *Осветa.* Поэмы и стихи. Стр. 96.

А. СУРКОВ. *Россия карающая.* Стихи 1943 года. Стр. 100.

ОАКС

инв № 3105.

Редактор *А. Митрофанов*
Художник *А. Усачев.*

А13048. Подп. к печати 28/II 1945 г. Печ. л. 4¼. Авт. л. 5,35. Уч.-изд. л. 5,52. Тираж 20000. Зак. 1946.
Цена 5 р. 25 к.

Тип. „Красный печатник", Москва, ул. 25 Октября, дом 5

5 р. 25 к.